

— Слышь, старая, глаза разуй! Ну каким боком этот мелкий может быть моим сыном? — недовольно заворчал Сатору Годзё.

Зажатый в его руках Мэгуми Фусигуро замер, боясь даже вздохнуть.

Ши Юньчуан, наблюдавший за этой сценой со стороны, едва сдерживал стон.

«И это всё, что его волнует? — подумал он. — А то, что мы вообще-то оба парни и ни в каком браке не состоим, его не смущает?»

[Гляди-ка, у вас с Сатору Годзё снова пополнение. Поздравляю со вторым ребёнком!] — ехидно отозвалась игровая система.

Юньчуан мысленно выругался. Ну да, точно. Если так подумать, детей у них теперь и правда двое.

[???

[Серьёзно? Ты слишком легко это признал. А где стадия отрицания?]

Тем временем заведующая, перед чьим лицом Годзё продолжал усердно размахивать растерянным Мэгуми, перевела близорукий взгляд с Сатору на Юньчуана. Поправив воображаемые очки, старушка сочувственно вздохнула:

— Ох... Так вы, значит, в разводе с мамой маленького Мэгуми?

Наступила гробовая тишина. Годзё и Юньчуан онемели. Пожилая женщина готова была поверить, что длинноволосый парень — это мачеха мальчика, но сама мысль о том, что эти двое никак не связаны друг с другом, даже не пришла ей в голову.

К счастью, неловкую паузу прервала подросевшая воспитательница. Заметив неладное, молодая девушка торопливо вмешалась:

— Госпожа заведующая, они вовсе не родители Мэгуми! — Она виновато повернулась к гостям: — Простите её, пожалуйста. Наша заведующая сегодня забыла дома очки для чтения, вот и перепутала вас.

Затем она потянула старушку за рукав и зашептала ей на ухо:

— Госпожа заведующая, это же молодые люди, парни! Они никак не могут быть родителями Мэгуми.

— Парни? — Старушка искренне изумилась и уставилась на Ши Юньчуана, чьи длинные белоснежные волосы мягкими волнами спускались по плечам.

Зрение у пожилой женщины давно сдало: она видела лишь размытые силуэты. Тот, что повыше и понаглее, показался ей мужчиной, а тот, что чуть ниже, с роскошной косой — женщиной. А поскольку Мэгуми шёл рядом с ними, её мозг мгновенно дорисовал картину счастливой, хоть и слегка взбалмошной ячейки общества.

— Ну да, — шёпотом подтвердила воспитательница. — Сейчас в Токио это модно. Парни повально отращивают волосы.

«Я не гонюсь за модой...» — мысленно проворчал Юньчуан. Впрочем, вспомнив пучок на затылке своего одноклассника Сугуру Гето, он невольно задумался: а тот-то куда лезет со своей причёской?

— Здравствуйте. Я Ши Юньчуан, старший брат Мэгуми и его новый официальный опекун. А этот... — он выразительно скосился на Годзё, — мой одноклассник. Пожалуйста, не обращайтесь на него внимания, он у нас умом не блещет. Отец Мэгуми, к сожалению, задерживается по работе и не смог приехать на выпускной, поэтому я здесь.

Юньчуан благоразумно умолчал о том, что папаша Мэгуми — редкостная мразь, которая без зазрения совести продала собственного сына. Старушка слишком пеклась о своих воспитанниках, и Юньчуан искренне опасался, что от такой горькой правды её хватит удар прямо здесь, посреди праздника.

[Игрок, а ты, оказывается, куда мягкосердечнее, чем кажешься. Обычно ты ищешь лишь веселья, но в тебе всё ещё живёт уважение к старости и забота о детях. Не зря ты ступил на Путь Охоты,] — не без удивления прокомментировала система.

«Благодарю за комплимент, — мысленно усмехнулся Юньчуан. — Будем считать это медалью за благородство. Кстати, а Похвала высокой морали мне за это полагается?»

[И зачем тебе Похвала высокой морали?] — озадачилась система. В оригинальной игре этот предмет чаще всего лежал мёртвым грузом, а в этом мире от него и вовсе не было никакого толку.

«Как это зачем? Если я сотворю какую-нибудь пакость, то смогу потратить одну такую "Похвалу" и заглушить голос совести», — с самым честным видом пояснил Юньчуан.

Система выдала длинную череду многоточий. Похоже, у игрока были весьма искажённые представления о себе. Совесть? Муки вины? У него? Да этот лис и слова-то такого не знал! Какая ещё компенсация вины?

«И всё же, я ведь совершил доброе дело. Будет мне награда?» — с улыбкой настаивал Юньчуан.

[В связи с проявлением чуткости к пожилому человеку, игроку начисляется одна единица предмета "Похвала высокой морали". Пожалуйста, проверьте внутриигровую почту.]

Между тем в реальности Юньчуан, даже не моргнув, вдохновенно сочинял для заведующей слезливую сказку о тяжёлой судьбе маленького Мэгуми.

— На самом деле отец очень любит Мэгуми и его сестру, — проникновенно вздохнул он. — Просто их мама тяжело заболела и безвременно покинула этот мир. Мужчина остался один с двумя крохами на руках. Чтобы прокормить семью, ему приходится вкалывать на двух работах без сна и отдыха.

«Ага, две работы: на одной он режет людей на заказ, на другой — подрабатывает жиголо в дешёвых кабаках».

— Но беда, как известно, не приходит одна. Жизнь бьёт именно по тем, кому и так несладко. Все свои честно заработанные, буквально омытые потом и кровью деньги бедный отец Мэгуми доверил мошенникам. Их обобрали до нитки...

«Ну да, мошенникам в букмекерских конторах. Чёртов азартный придурок спустил всё на скачках, так что на карте остался круглый ноль».

— А недавно случилась страшная трагедия, — голос Юньчуана задрожал от поддельной скорби. — На производстве произошёл несчастный случай. Из-за халатности начальства его отец получил тяжелейшие травмы. Он буквально балансировал на грани жизни и смерти...

«А точнее, этот смертник сунулся убивать Звездный Сосуд Слияния и огреб люлей от Годзё и Гето. Хорошо, что я успел вовремя вмешаться и вытащить его с того света, заодно закрыв системный квест».

Мэгуми, ещё не успевший изучить весь масштаб коварства и патологической лживости своего нового опекуна, потрясённо захлопал глазами. Значит... отец не бросал их? Он просто разрывался на двух работах ради него и Цумики, а теперь лежит в реанимации после жуткой аварии?

В груди мальчика шевельнулось непривычное, тёплое чувство. Он тут же твёрдо решил: как только закончится выпускной, он непременно попросит брата Юньчуана отвезти его в больницу к раненому отцу.

В этот самый момент в одном из грязных закоулков Токио Тодзи Фусигуро, увлечённо заполнявший бланк в лотерейном ларьке, громко и смачно чихнул.

«Кто это меня там поминает?» — лениво подумал он. В голове внезапно всплыл образ черноволосого мальчугана с причёской, похожей на морского ежа.

«Как его там... Мэгуми, кажется? Точно, Мэгуми».

Вспомнив, что он пристроил сына в надёжные и, главное, неприлично богатые руки, Тодзи окончательно успокоил остатки своей куцей совести. Свой отцовский долг он выполнил на все сто процентов. С чистой душой Фусигуро-старший купил ещё три лотерейных билета.

Сатору Годзё, стоявший рядом, едва сдерживал дикий хохот, переходящий в кашель. Если бы он лично не дрался с этим ублюдком Тодзи и не знал, что тот представляет собой ходячую катастрофу, то, видит бог, сам бы разрыдался от этой душещипательной истории. Юньчуан умудрился превратить конченого эгоиста, игромана и наёмного убийцу в святого великомученика и образцового отца. Слог у этого лиса был поистине великим.

— И вот, лёжа на больничной койке, умирая и задыхаясь, он взял меня за руку, — Юньчуан скользнул по притихшему Мэгуми нежным, полным щемящей грусти взглядом. — Он умолял... со слезами на глазах умолял позаботиться о его беззащитных малютках.

«Какая к чёрту больничная койка? — мысленно взывал Годзё. — Мы вдвоём вжали этого громила в бетон, а вы стояли над ним и торговались, как на мясном рынке! В итоге он тупо продал тебе пацана за пятьсот миллионов иен!»

— Ну а я, будучи дальним родственником господина Фусигуро, просто не мог пройти мимо чужой беды. Я сам рано остался без родителей и слишком хорошо знаю, каково это — расти сиротой. Поэтому я принял твёрдое решение забрать детей к себе, — Ши Юньчуан заглянул старушке прямо в глаза, и взгляд его лучился абсолютной, кристально чистой искренностью.

После столь убедительного спича тот факт, что за три года Тодзи ни разу не удосужился явиться на родительские собрания или хотя бы забрать сына вовремя, обрёл логичное и глубоко трагическое оправдание.

— Вот оно как... — заведующая тяжело вздохнула, прижав сморщенную ладонь к груди.

Пожилая женщина видела отца Мэгуми лишь однажды — в самый первый день, когда мальчика оформляли в группу. С тех пор мужчина бесследно исчез: ни собраний, ни звонков, ни визитов. Старушка искренне верила, что бедный ребёнок брошен на произвол судьбы и выживает лишь благодаря заботам старшей сестры, поэтому всегда старалась дать ему чуть

больше тепла.

И когда сегодня на пороге появились двое статных молодых людей в окружении сияющей ауры благополучия, её подсознание, подогретое слепотой, выдало желаемое за действительное. Она приняла их за молодую, пусть и экстравагантную супружескую пару, решившую спасти сироту.

Рассказ Юньчуана окончательно растопил её старое сердце.

— Мэгуми, деточка, — ласково произнесла заведующая, погладив мальчика по жёстким, торчащим в разные стороны чёрным вихрам, — всегда слушайся своего брата Юньчуана. Он твой ангел-хранитель.

Повернувшись к юноше, она с сомнением покачала головой:

— Но милый, ты ведь сам ещё школьник. Как ты собираешься тянуть двоих детей на свои плечи? Это же колоссальные расходы!

Юньчуан с теплотой сжал её сухую ладонь:

— Не беспокойтесь, дорогая госпожа заведующая. Совсем недавно мне выплатили внушительную компенсацию за гибель моих родителей. Денег там столько, что хватит вырастить десятерых таких сорванцов, ещё и на колледж останется.

Сатору Годзё кашлянул в кулак, изо всех сил стараясь не заржать.

«Ты уверен, что это не твоя собственная страховка за прошлую смерть, бессмертный ты наш?»

— Какой же ты славный мальчик... Сколько же на тебя навалилось, — растроганная старушка крепко сжала его пальцы в ответ.

— Позвольте спросить, — вежливо поинтересовался Юньчуан, аккуратно высвобождая ладонь. — Я впервые на подобном мероприятии. Есть ли какие-то особые правила для выпускного? Что от нас требуется?

— О, тут всё просто, — улыбнулась заведующая. — Занимайте места в зале для родителей — на стороне отцов или матерей — и следуйте указаниям воспитателей во время праздничной программы...

Договорить она не успела.

— Чур, я на отцовские места! — мгновенно отчеканил Юньчуан.

— С какого перепугу? — фыркнул Годзё, презрительно сощурившись над очками. — Заведующая с первого взгляда признала в тебе мамашу. Так что твоё место на женской половине. Марш в материнский сектор, «мамочка»!

— Закрой рот! Я — отец этого семейства, а вот ты со своей девичьей бледностью отлично сойдёшь за мачеху! — Юньчуан в ярости грохнул ладонью по столу.

— Ой, ли? — Сатору издевательски потянулся вверх. — Я выше тебя почти на голову. А у кого рост больше, тот и папочка! Закон джунглей, смирись.

— Я — единственный законный опекун Мэгуми! А ты здесь на правах бесплатного приложения и группы поддержки. Так что засунь своё эго поглубже и топай в женские ряды!

— Да неужели? А кто будет оформлять документы на перевод Мэгуми в токийскую школу, а, сказочник? — самодовольно ухмыльнулся наследник великого клана Годзё. — Без моих связей и денег ты утонешь в бюрократическом болоте за два дня. Так кто тут решает вопросы, как настоящий глава семьи?

— Ты меня недооцениваешь, каланча белая, — процедил Юньчуан с ледяной улыбкой.

«С моей системой взломать и переписать любую базу данных — дело пяти секунд».

— Послушайте... — робко подал голос Мэгуми, чувствуя, как атмосфера накаляется с каждым мгновением. Он попытался протиснуться между ними, чтобы предотвратить неизбежную катастрофу.

Бесполезно. В следующую секунду два сильнейших мага современности, чей суммарный возраст перевалил за тридцать лет, сцепились прямо в кабинете заведующей. Никаких техник, никакого величия — чистая, грязная дворовая драка без правил.

— Мэгуми — мой сын по всем бумагам! Я — папа! — орал Юньчуан, пытаясь завалить Годзё на ковер.

— Да плевать на твои бумажки, тебя даже слепая бабка за бабу приняла! Смирись со своей женской долей!

— У неё просто астигматизм! Я мужик, и я буду сидеть на отцовском месте!

— Да у него настоящий отец жив-здоров, придурок! Ты ему максимум мачеха-опекунша!

— Слышь, лжец недоделанный, ты куда руки тянешь?! — вдруг истошно взвизгнул Сатору, чьё лицо исказилось от паники.

— Штаны тебе спущу, чтобы жизнь мёдом не казалась! — рявкнул Юньчуан, мёртвой хваткой вцепившись в ремень одноклассника.

В ответ Годзё, недолго думая, сгрёб в охапку его длинные белые волосы и резко дёрнул на себя.

— Тварь! За волосы-то зачем хватать?! Это нечестно! — взвыл опекун.

— У тебя они длинные, грех не воспользоваться! — Сатору показал ему длинный язык и скорчил самую издевательскую рожу, на которую был способен.

Наблюдавшая за этим балаганом воспитательница впала в глубокий ступор. Поняв, что драка грозит перерасти в разгром кабинета, она робко кашлянула:

— Эм... Уважаемые... Всё равно вы так ничего не решите. Может... спросим у самого Мэгуми-куна?

Два клубка ярости мгновенно замерли. Юньчуан, всё ещё сжимавший край ширинки Годзё, и Сатору, намертво вцепившийся в чужие шелковистые локоны, одновременно повернули головы. Два хищных взгляда сфокусировались на замершем в углу мальчике. Под этим двойным прессом несчастный Мэгуми едва не вжал голову в плечи.

— Ну! — хором рявкнули эти двое. — Говори, мелкий: кто из нас твой папочка?!

Мэгуми молча прикрыл глаза ладонью.

В этот судьбоносный день он больше всего на свете хотел оказаться круглым, безоговорочным сиротой. Лишь бы не сгорать со стыда перед всей школой.

<http://bllate.org/book/20460/2214590>